

Идеология и стратегия

Леонид Савин

Карта Индии

В значительной мере правила поведения на международном поле формируются под воздействием исторических, культурных, религиозных и мировоззренческих принципов народа (элиты), укорененного в определенное географическое пространство. Упорство, с которым владычица морей осваивала колонии и оставляла вдали от берегов Туманного альбиона форпосты, видно и поныне — Гибралтар, Фолклендские (Мальвинские по версии Аргентины) острова, страны содружества; американский Дух фронта трансформировался в неустанный желание проводить демократические

реформы во всем мире, а увлечение идеями Лео Штрауса (сам ученый говорил о необходимости следовать двойным стандартам) помогло американским неоконсерваторам реализовывать свои идеи на практике; иудейское мессианство позволило не только создать государство Израиль, но и вывести свою страну на мировой уровень.

Аналогично, Индия тоже имеет свою государственную стратегию, возможно, не совсем нам понятную в силу особенностей индуистского мировоззрения, хотя в этой огромной стране есть значительное количество не только последователей древнейшей политеистической традиции и ее ответвлений, но и представителей других культур и религий — мусульмане, сикхи, буддисты, христиане различных конфессий и иудеи (известно шесть различных групп иудеев, проживающих в разных частях Индии, некоторые из которых являются автохтонами и обратились в эту религию во второй половине XX в.). Взгляд из Индии на международные события и текущий анализ геополитической ситуации для отечественного читателя мало известны. Исключением, пожалуй, будут частые публикации бывшего индийского дипломата М.К. Бхадракумара как в англоязычной прессе, так и переводы на русский язык.

А помимо свежей аналитики и различных доктринальных положений, понять геополитическую стратегию Индии можно через призму стратегической

культуры субконтинента, которая, в определенной мере влияет на всю Юго-Восточную Азию. Почему это важно? На этот вопрос еще в конце 70-х гг. прошлого столетия дал ответ британский теоретик международных отношений, профессор Кен Бут. «Думая о рациональном поведении других, стратеги имеют тенденцию проектировать свои собственные культурные ценности..., но должно быть очевидно, что можно лишь предсказать поведение «рационального человека», если и у наблюдателя и у наблюдаемого сила и власть логически похожи. В этот процесс вмешивается этноцентрическое восприятие: это означает, что собственные ценности и смыслы по поводу приоритетов, спроектированы на другого. Этим процессом этноцентризм подрывает центральное действие в стратегии, которое сначала оценивает то, как другие смотрят на мир, а затем уже происходит процесс осмысления и действия» [1]. Для индусов вполне подходит этноцентрическое видение мира, так как индуизм — это закрытая религия, ее может исповедовать только индус и приход в эту традицию извне не возможен. Да и сикхи, представители которых занимают видные посты в правительстве, относятся к выходцам Индостана — эта монотеистическая религия зародилась на границе соприкосновения ислама и индуизма как ответ на проблему конфликта. Особняком стоят парсы, которые сконцентрированы в Мумбаи, но, что характерно, зороастризм тоже является закрытой религией — прозелитизм среди индийских парсов не признается. Индийские мусульмане и христиане, хоть и представляют особый интерес, в том числе и для внешних сил, в целом политическая стратегия нынешнего руководства Индии все же укоренена в индуистское мировоззрение в его разных формах (эпос, философия, религия, культура).

Другой британский ученый, занимавшийся вопросами геополитики, Колин Грей, по поводу связи культурных пластов и государственной стратегии отмечает: «никто и никакое учреждение не могут действовать вне культуры», и добавляет далее, что «природа и функция стратегии являются постоянными и универсальными и она, также, в ее специфической и динамической исторической форме и содержании, неизбежно является культурной» [2].

Необходимо попытаться заглянуть внутрь политической культуры этой страны, чтобы понять ее действия на международной арене не только в русле прагматизма, где основные усилия направлены на обеспечение энергетическими ресурсами и безопасности, но и со стороны мировоззрения.

После получения Индией независимости в 1947 г. эту страну в основном представляли в свете пацифизма, благодаря стратегии Махатмы Ганди в отношении британских колонизаторов. Непротивление злу насилием было популярно и в среде различных антивоенных движений в Западной Европе и, особенно, в США во время Вьетнамской войны. Однако, концепция Satyagraha (сила правды), применяемая Ганди как инструмент политической борьбы, была основана

не на народной и массовой индуистской традиции, а на эклектическом смешении реформистского индуизма, Упанишад и философии джайнизма, проповедующей запрет на убийство любых живых существ, в том числе вредоносных насекомых. Не менее важно и постколониальное наследие. А.К. Коуль из Делийского университета в 80-х гг. говорил, что «вся концепция международного права исходила из обоснования и оправдания законности порабощения и ограбления третьего мира, который был объявлен нецивилизованным» [3]. Такой критический подход предполагал поиск новых путей решения проблемы и Коуль предложил концепцию международного права развития, направленного на решение проблем слаборазвитых государств. Его поддержал юрист международник Р.П. Ананд, отметив, что «поскольку международное право считается применимым ко всему мировому сообществу государств, включая новые государства Азии и Африки, оно нуждается в их согласии. Оно должно быть изменено, чтобы удовлетворять новые интересы и новое сообщество» [4]. Несмотря на довольно адекватные мысли, идеи этих ученых оказались невостребованными своей эпохой. Однако сейчас подобные концепции могут вполне быть применимы в рамках БРИКС.

Если посмотреть на политическую трансформацию Индии, то модель Конституции была позаимствована у Соединенных Штатов, причем на нее наложились культурные особенности каждого региона (в Индии 28 штатов, 21 официальный язык и более 1600 диалектов). Традиционная кастовая система фактически сохраняется, но юридически все граждане в Индии имеют равные права и возможности, — представители низшей касты в южных штатах даже сформировали движение и политическую партию Dalit Panthers и довольно успешно борются за свои права.

В самом индийском политикуме на протяжении истории существования независимого государства тоже были заметны колебания от секуляризма до традиционализма. Несмотря на это, как отмечает Стивен Коэн, со времени правления Неру до Раджива Ганди, а далее при правлении Индийской народной партии Ваджпай, хотя и существовал антагонизм в вопросах местной культуры (предыдущий правящий Конгресс был светским, в то время как партия Ваджпай следовала пути индийского культурного национализма — «Хиндутва») в международной и оборонной политике сохранялась преемственность стратегического курса [5]. Необходимо отметить, что индийская народная партия (Bharatiya Janata Party), созданная в 1980 г., стоит на особом счету у американских аналитиков, так как при правлении Аталы Бихари Ваджпай произошло улучшение отношений с США. Сам период правления Джавахарлала Неру, который представлял левое крыло Индийского национального конгресса, называют курсом на достижение общества, основанного на принципе равновесия преемственности и перемен, а его политическая программа даже получила название «нерувианизм». В двух словах, она заключалась в осуществлении

поддержки национального предпринимательства, его защиты от иностранной конкуренции, государственном регулировании частного сектора, жестком контроле над финансовыми операциями, а в государственном секторе — преимущественным развитием основных отраслей тяжелой промышленности и энергетики [6].

Однако, если мы говорим о стратегической культуре, то нужно обратиться и к историческому наследию героического характера, образы которого захватывают как сознание масс, так и мышление национальных лидеров. В связи с этим необходимо упомянуть центральные эпические произведения Индии — это «Махабхарата» и «Рамаяна», — в первом повествуется о борьбе двух кланов и вечном круговороте событий, где многое уже предreshено, а во втором о борьбе богов и их помощников против демонов. Вполне естественно, что в качестве памятников национальной литературы, через фольклор, праздники и обычаи, эти императивы были впитаны как населением, так и элитой. Кроме этого, на выработку стратегии, особенно в вопросах управления государством и ведения войны, повлиял знаменитый труд «Артасаstra», написанный известным индийским мыслителем древности Каутильем (IV—III вв. до н.э.), который обслуживал интересы династии Маурья. На эту книгу ссылаются многие индийские и даже зарубежные правоведы как на образец корпуса юридических норм доримского, традиционного права.

Как отмечает американский аналитик Родни Джоунс, посвятивший немало своих трудов стратегии Индии, пытаясь расшифровать индусский код к замку международных отношений, советы Каутильи к правителям состояли в подробном описании как применять силу, шпионаж и яды (экстраполируя в современную эпоху, это может быть химическое, бактериологическое и ядерное оружие) [7]. Согласно труду Каутильи предполагается, что в этом регионе будут происходить военные конфликты, следовательно, нужно быть готовым к развитию такого сценария и, возможно, создать военные союзы с другими государствами. Естественно, в XX в. этот фактор тоже учитывался индийскими политиками.

Сам Джоунс является президентом собственной компании Policy Architects International, а до этого долгое время провел в Индии, Пакистане и Шри-Ланке, так как был сыном христианских миссионеров, отправленных в эти страны. В США до того, как создал свою фирму, Джоунс закончил Колумбийский университет и работал профессором в Канзасском государственном университете, а в середине семидесятых занимался научными исследованиями в Совете по международным отношениям и занимался вопросами безопасности в администрации Картера. Кроме того, работал в Центре стратегических и международных исследований в Джорджтаунском университете, где занимался вопросами контроля над вооружениями. Так что, несмотря на свое западное происхождение, есть смысл прислушаться к мнению этого ученого.

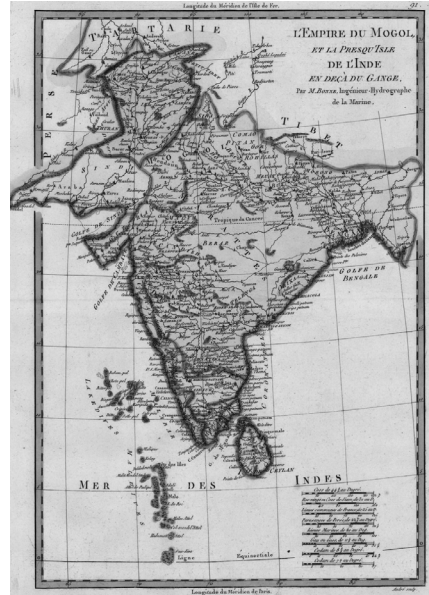
Джоунс выделяет ряд пунктов, которые по своей сути являются философскими и мифологическими, но, тем не менее, являющимися базой для стратегической культуры Индии:

1. Священное входит в индийскую идентичность;
2. Цели бесконечны и не имеют конкретного срока;
3. Индия получила свой статус, а не заработала;
4. Знание правды — ключ к действию и власти;
5. Мироустройство является иерархическим, не эгалитарным;
6. Инструментальные значения:
7. Внешний облик Индии загадочен;
8. Личный интерес, выраженный внешне, является безличным и абсолютным;
9. Противоречия в реальном мире являются естественными и подтвержденными;
10. У силы есть свое место, но хитрость может превзойти силу;
11. У действий есть последствия, хорошее намерение не оправдывает обиды;
12. Нормы права запрещают обычный компромисс (трудно провести различия, правда не смягчается с *quid pro quo*);
13. Компромисс можно легко принять за внутреннее поражение (эфемерное, искривления правды, недостаток суверенитета);
14. Доверие является правильным знанием и действием, оно является безличным и его трудно построить или восполнить;
15. Безопасность является сидячей (она охватывает географическую обстановку и образ жизни);
16. Стратегия является ассимилирующей (внешняя сторона меняется, действительность является постоянной).

Исходя из этих положений Джоунс и предлагает рассматривать индийскую политику, в том числе и в отношении таких категорий, как война и мир. Конфликт напрямую связан со стратегической культурой, так как согласно одному из авторов этой концепции Алистеру Джонстону, в ее центре лежат ответы на три важных вопроса: роль войны в международных отношениях, природа врагов и угроз, которые они могут представлять и применение силы [8]. Джоунс пишет, что Индия, еще начиная с 60-х гг., готовилась к обороне на два фронта — против Пакистана и Китая [9]. Автор также отмечает, что до января 2003 г. официальная политика Индии в отношении применения ядерного оружия гласила, что Индия не будет использовать его первым до тех пор, пока не подвергнется соответствующей атаке. Эта политика была основана на ядерной доктрине Индии, обнародованной в августе 1999 г. Однако после выхода в 2003 г. документа «Введение в действие ядерной доктрины Индии» было заявлено, что ядерное оружие будет использовано в случае применения против индийских войск химического или биологического оружия и, самое главное, даже если их войска будут находиться

за пределами индийской территории [10]. Инцидент в Мумбаи, когда исламские террористы, успешно переправившись с территории Пакистана устроили не-большой «джихад» в экономической столице Индии, вынудил руководство страны задуматься и о других мерах сдерживания и контроля, в том числе, за информационными системами.

Но с Пакистаном все более-менее понятно. Образ врага вполне укладывается в эту схему — завоеватели Индии (имеется в виду не мифические арийские вторжения, а вполне конкретные мусульманские армии, построившие на севере Индии империю Моголов) пришли с северо-запада — нынешних территорий Афганистана и Пакистана. С ними пришлось бороться не только последователям индуизма, но и приверженцам новой синкретической монотеистической религии сикхизма, святилище которой — Золотой храм находится в нескольких десятках километров от границы с Пакистаном — в г. Амритсар. Если мусульманское

Карта Империи Моголов

вторжение происходило по суше, то белые колонизаторы прибыли морем — португальцы, голландцы и британцы по очереди контролировали южный Индостан и эксплуатировали его природные богатства. С Китаем несколько сложнее. Исторически китайские императоры не беспокоили индусов из-за природной границы в виде горной цепи Гималаев и непроходимых джунглей на юге. Хотя сейчас Индия имеет спорные с Китаем территории, скорее, больше претензий именно у Китая к Индии, в том числе за приют тибетского далай-ламы, штаб-квартира которого находится в приграничном с Поднебесной штате Химачал-Прадеш. Индию же в отношениях с Китаем скорее волнуют водные ресурсы — истоки Брахмапутры и Ганга начинаются в китайском Тибете.

Но и в самой Индии существуют различные точки зрения на проблематичные отношения с соседями. Канти Баджпай отмечает, что после окончания Холодной войны в Индии появилось три ветви, претендующих на выработку стратегии. Он называет их нерувианизмом, неолиберализмом и гиперреализмом. Баджпай настаивает, что самый пессимистический взгляд на международные отношения у гиперреалистов. «Если нерувианисты и либералы полагают, что международные отношения могут быть преобразованы либо посредством коммуникации и контакта, либо в соответствии с экономическими реформами свободного рынка

и логикой сравнительных преимуществ, то гиперреалисты усматривают в межгосударственных взаимоотношениях бесконечный цикл повторений (вообще, индуизм рассматривает время как бесконечную череду циклов, человеческая душа также претерпевает эти круговращения, постоянно перевоплощаясь из одной сущности в другую — отсюда не совсем понятная для западного человека с его линейным восприятием времени, индусская неспешность). Для них конфликты и конкуренция между государствами не могут быть преобразованы в мир и дружбу (кроме как временного союза против общего противника), поэтому лучшими инструментами являются угрозы и применение насилия, из-за чего они считают, что самый верный способ достичь мира и стабильности — это накопление военной силы и готовность к ее применению» [11]. Кроме того, гиперреалисты отклоняют возражения своих оппонентов по поводу безудержных расходов на вооружения, а также высказывают сомнение относительно роли институций, законов и соглашений. Для гиперреалистов в международных отношениях в счет берется только власть и сила; все остальное — иллюзия. Соответственно, для нерувианистов и неолибералов война — это всего одна из возможностей, которая может произойти между суверенными государствами. Для «нерувианистов» природное состояние анархии может быть уменьшено путем договоренностей между государствами, поэтому подготовка к войне и баланс сил, что становится центральным фактором для безопасности и внешней политики являются разорительными и бесполезными. Для неолибералов взаимное усиление является обуславливающим фактором естественного состояния анархии между государствами, в частности, так как они становятся взаимозависимыми. Поэтому они считают экономическую силу жизненно важной целью для государств, что должно быть достигнуто путем свободного рынка и свободной торговли за рубежом [12]. У гиперреалистов точка зрения немного иная. Брахма Челлэни отмечает, что «война наступает, когда конкурирующие государства приходят к пониманию, что другая сторона стала либо слишком сильной, либо слабой» [13]. Поэтому подготовка к войне является ответственной и мудрой политической прозорливостью, а не каким-либо подстрекательством. Поэтому агрессию в отношении своих соседей, если вопрос касается территориальных споров или каких-либо других противоречий, гиперреалисты считают не только допустимой, но и необходимой.

Из этого можно извлечь вполне понятные выводы — индийские гиперреалисты могут использоваться внешними силами для эскалации конфликта, в то время как нерувианисты будут стараться достичь консенсуса, а неолибералы решать вопросы с прагматической (экономической) точки зрения. Россия в этом отношении имеет значительные преимущества. У нас нет общих границ с Индией, к нашей стране довольно хорошее отношение, что подкрепляется историческим опытом. Индия, наряду с Россией входит в БРИКС и готова участвовать в выработке новых международных правил. Мы можем мудро взаимодействовать с представителями

всех трех ветвей стратегической культуры Индии. Гиперреалисты будут крайне заинтересованы в поставках российского вооружения, программах модернизации и вообще, широком спектре военного сотрудничества. При случае, Россия может использовать *smart power*, чтобы посредством индийских гиперреалистов послать определенные сигналы соседним странам — Пакистану и Китаю (Бангладеш и Непал не стоит брать во внимание, так как они пока не оказывают какого либо влияния на расклад сил в регионе). Подход неолiberaлов может быть использован с сугубо прагматической точки зрения — торгового, экономического и промышленного сотрудничества. Довольно перспективным для России может быть сфера атомной энергетики (эти интересы входят и в генеральную линию нерувианистов), информационных и высоких технологий, в том числе аэрокосмической промышленности.

Кроме того, из стратегической культуры Индии можно извлечь еще и один немаловажный урок — это их экономическая и рыночная система. Они построены таким образом, что большинство товаров и услуг ориентированы на внутреннего потребителя, поэтому любые финансовые катаклизмы, происходящие во внешней среде и действующие эффектом домино, для Индии не будут являться катастрофой. Если разумно подойти к этому вопросу, то такая модель рыночного устройства, основанная на принципе автаркии (самодостаточности) вполне может быть применима и для ряда регионов Российской Федерации. С другой стороны, внешний капитал поступает в Индию за счет рабочих мигрантов, которые находятся в других странах — США, Великобритании, Персидском заливе и т.д., что создает дополнительный источник доходов для государства.

Необходимо отметить, что Индия на данный момент склонна к пересмотру своих стратегий. Это относится не только к военной доктрине «Холодный старт», которая недавно была видоизменена, но и к стратегической культуре в целом. Советник по национальной безопасности Шившанкар Менон считает, что необходимо разработать новый словарь и концепции, чтобы работать с вопросами 21 века. По его мнению, из-за роста возможностей Индии ей необходимо больше взаимодействовать с Западным миром, хотя основная линия стратегической культуры страны останется неизменной, так как это «туземный конструкт, которому больше тысячи лет, модифицированный за последние два столетия... и в трех основных школах, к счастью, нет изоляционизма» [14].

[1] Ken Booth, *Strategy and Ethnocentrism*. New York: Homes & Meier Publishers, 1979, p 65.

[2] Colin Gray, *Modern Strategy*, New York: Oxford University Press, 1999, p 129.

[3] Koul A. K. *The North-South Dialogue and the NIEO//New horizons of international law and developing countries*. New Delhi, 1983. P. 171.

[4] Anand R. P. *International law and the developing countries*. New Delhi, 1986. P. 107.

[5] Stephen P. Cohen. *India: Emerging Power*. Washington, D.C.: The Brookings Institution, 2001.

[6] Мухаев П.Т. Геополитика. — М.: Юнити, 2007, С. 553

[7] Rodney W. Jones. *India's Strategic Culture. Defense Threat Reduction Agency Advanced Systems and Concepts Office*. 31 October 2006, p.5.

[8] Alastair Iain Johnston, *Cultural Realism: Strategic Culture and Grand Strategy in Chinese History*, Princeton: Princeton University Press, 1995.

[9] Rodney W. Jones. *Conventional Military Imbalance and Strategic Stability in South Asia*. SASSU Research Paper No. 1, March 2005, p. 9.

[10] *Ibid.* p. 13.

[11] Kanti Bajpai. *Indian Strategic Culture*. — *South Asia in 2020: Future Strategic Balances and Alliances*, Strategic Studies Institute, November 2002, P. 245 — 305.// http://www.stramod.ru/SP_001.html

[12] Shiv Shankar Menon. K. Subrahmanyam and India's Strategic Culture. *National Maritime Foundation*, 19 January 2012 <http://www.maritimeindia.org/article/k-subrahmanyam-and-indias-strategic-culture>

[13] *On the importance of national power or strength*, С.м. Brahma Chellaney, .Preface, in *idem*, ed., *Securing India's Future in the New Millennium*, p. xviii.

[14] *India needs to modernise strategic culture*. Sify News. Jan 20, 2012. <http://www.sify.com/news/india-needs-to-modernise-strategic-culture-news-national-mbus4jccahb.html>